

НАДЕЖДА ТЭФФИ

АТМОСФЕРА
ЛЮБВИ

Надежда Тэффи

Атмосфера любви

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=662045

О любви / Тэффи: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-46278-0

Аннотация

«Начало той истории, которую я хочу вам рассказать, довольно банально: дама позвала к себе в гости тех людей, которые, по ее мнению, ее любят и поэтому никаких неприятных моментов ей не доставят. Собрать таких людей, между прочим, вовсе не так-то просто. Ну, вот вы, например, знаете, что такой-то Иван Андреевич очень многим вам обязан, но чувствует ли он к вам благодарность – это еще вопрос. Может быть, именно терпеть вас не может за то, что многим вам обязан? Разве этого не бывает?..»

Надежда Тэффи

Атмосфера любви

Начало той истории, которую я хочу вам рассказать, довольно банально: дама позвала к себе в гости тех людей, которые, по ее мнению, ее любят и поэтому никаких неприятных моментов ей не доставят.

Собрать таких людей, между прочим, вовсе не так-то просто. Ну, вот вы, например, знаете, что такой-то Иван Андреевич очень многим вам обязан, но чувствует ли он к вам благодарность – это еще вопрос. Может быть, именно терпеть вас не может за то, что многим вам обязан? Разве этого не бывает?

И вот та дама, о которой идет речь, долго обдумывала и решила, что позвать можно только тех, кто отдал ей когда-то кусок души. Человек никогда не забывает того места, где зарыл когда-то кусочек души. Он часто возвращается, кружит около, пробует, как зверь лапой, поскрести немножко сверху.

Это, впрочем, касается скорее мужчин. Женщины – существа неблагодарные. Человека, который от них отошел, редко вспоминают тепло. О том, с которым прожили лет пять и прижили троих детей, могут отозваться примерно так:

– И этот болван, кажется, воображал, что я способна на близость с ним!

Мужчины относятся благодарнее к светлой памяти прошедшего романа.

Итак, дама, о которой идет речь, решила пригласить четырех кавалеров. Двое из них принадлежали ее прошлому, один настоящему и один будущему.

Первый из принадлежащих прошлому был не кто иной, как разведенный муж этой самой дамы. Когда-то он очень страдал, потом переключил страдание на безоблачную дружбу, женился и, когда новая жена надоела, опять переключился на умиленную любовь к прежней жене. Выражалось это в том, что он приходил к ней иногда завтракать и дарил ей десятую часть на Национальную лотерею. Звали его Андреем Андреичем.

Второй из прошлой жизни был тот, из-за которого пришлось развестись. Он был давно переключен на дружбу, однако полную обожания и благодарности за незабываемые страницы – конечно, с его стороны. Его приглашали в дождливую погоду для тихих разговоров и чтения вслух. Он умел красиво говорить, он играл на гитаре, вздыхал и брал взаимные небольшие суммы. Звали его Сергей Николаич.

Принадлежащий настоящему был Алексей Петрович. Как и полагается герою текущего романа, он был подозрителен, ревнив, всегда встревожен, всегда готов закатить скандал. Словом – в его чувстве сомнений быть не могло.

Человек будущего был дансер Вовочка. Вовочка еще был в стадии мечтаний и желаний, в эпохе комплиментов и мо-

ментов. Он был чрезвычайно мил.

Словом, вся компания, весь мажорный аккорд из четырех нот обещал быть приятным, радостным, поднимающим настроение и дающим сознание своих женственных сил. А у каждой женщины известных лет (которые вернее было бы называть «неизвестными») бывают такие настроения, когда нужно поднять бодрость духа. А ничто ж не поднимает этот упавший дух, как атмосфера любви. Чувствовать, как тобой любуются, как следят за каждым твоим движением влюбленные глаза, тогда все в чуткой женской душе – прибавленные за последние дни два кило веса и замеченные морщины в углах рта – исчезает, выпрямляются плечи, загораются глаза, и женщина смело начинает смотреть в свое будущее, которое сидит тут же, подпрыгивает ногой и курит папироску.

Итак, дама, о которой идет речь, – звали даму Марья Артемьевна, – пригласила этих четырех кавалеров к обеду.

Первым пришел олицетворяющий настоящее – Алексей Петрович. Узнав, кто еще приглашен, выразил на лице своем явное неодобрение.

– Странная идея! – сказал он. – Неужели эти люди могут представить какой-нибудь интерес в обществе? Впрочем, это дело ваше.

Он стал задумчив и мрачен, и только имя Вовочки вызвало на лице его улыбку.

– Милый молодой человек. И вполне серьезный, несмотря на свою профессию.

Марья Артемьевна немножко как будто удивилась, но удивления своего не выказала.

Словом, все обещало идти как по маслу и началось действительно хорошо.

Бывший муж принес конфеты. Это было так мило, что она невольно шепнула ему:

– Мерси, котик.

Второй представитель прошлого, Сергей Николаич, принес фиалки, и это было так нежно, что она и ему невольно шепнула:

– Мерси, котик.

Вовочка ничего не принес и так мило сконфузился, видя эти подарки, что она от разнеженности чувств шепнула и ему тоже:

– Мерси, котик.

Ну, словом, все было прелестно.

Конечно, Андрей Андреич покосился на фиалки Сергея Николаича, но это было вполне естественно. А Сергея Николаича покорило от конфет Андрея Андреича – и это было вполне понятно. Разумеется, Алексею Петровичу были неприятны и цветы и конфеты – но это вполне законно. Вовочка надулся – но это так забавно!

Пустяки – пусть поревнуют. Тем веселее, тем ярче.

Она чувствовала себя веселой пчелкой, королевой улья среди гудящих любовью трутней.

Сели за стол.

Зеленые щи с ватрушками. Коньяк, водка. Все разогрелись, разговорились.

Марья Артемьевна, розовая, оживленная, думала:

«Какая чудесная была у меня мысль позвать именно этих испытанных друзей. Все они любят меня и ревнуют, и это общее их чувство ко мне соединяет их между собой».

– А ватрушки сыроваты, – вдруг заметил Алексей Петрович, представитель настоящего, и даже многозначительно поднял брови.

– Н-да! – добродушно подхватил бывший муж. – Ты, Манюрочка, уж не обижайся, а хозяйка ты никакая.

– Ну-ну, нечего, – весело остановила их Марья Артемьевна. – Вовсе они не так плохи. Я ем с большим удовольствием.

– Ну, это еще ничего не значит, что вы едите с удовольствием, – довольно раздраженно вступил в разговор Сергей Николаич, тот самый, из-за которого произошел развод. – Вы никогда не отличались ни вкусом, ни разборчивостью.

– Женщины вообще, – вдруг вступил в разговор Вовочка, запнулся, покраснел и смолк.

– Ну, господа, какие вы, право, все сердитые! – рассмеялась Марья Артемьевна.

Ей хотелось поскорее оборвать этот нудный разговор, наладить снова нежно-уютную атмосферу. Но не тут-то было.

– Мы сердитые? – спросил бывший муж. – Обычная женская манера сваливать свою вину на других. Подала сырое тесто она, а виноваты мы. Мы, оказывается, сердитые.

Но Марья Артемьевна все еще не хотела сдаваться.

– Вовочка, – сказала она, кокетливо улыбаясь представителю будущего. – Вовочка, неужели и вы скажете, что мои ватрушки нельзя есть?

Вовочка под влиянием этой нежной улыбки уже начал было и сам улыбаться, как вдруг раздался голос Алексея Петровича:

– Мосье Вовочка слишком хорошо воспитан, чтобы ответить вам правду. С другой стороны, он слишком культурен, чтобы есть эту ужасную стряпню. Надеюсь, дорогая моя, вы не обижаетесь?

Вовочка нахмурился, чтобы показать сложность своего положения. Марья Артемьевна заискивающе улыбнулась всем по очереди, и обед продолжался.

– Ну вот, – бодро и весело говорила она. – Надеюсь, что этот матлот из угрей заставит вас забыть о ватрушках.

Она снова кокетливо улыбалась, но на нее уже никто не обращал внимания. Бывший муж заговорил с Алексеем Петровичем о банковских делах. Разговор их заинтересовал Сергея Николаича так сильно, что хозяйке пришлось два раза спросить у него, не хочет ли он салата. В первый раз он ничего не ответил, а на второй вопрос буркнул:

– Да ладно, отстань!

Эту неожиданную реплику услышал Вовочка, покраснел и надулся.

Марья Артемьевна почувствовала, что ее будущее в опас-

ности.

– Вовочка, – тихонько сказала она, – вам нравится мое жабо? Я его надела для вас.

Вовочка чуть-чуть покосился на жабо, буркнул:

– Толстит шею.

И отвернулся.

Ничего нельзя было с ним поделать.

А те трое окончательно сдружились. Хозяйка совершенно перестала для них существовать. На ее вопросы и потчеванье они не обращали никакого внимания, и раз только бывший муж спросил, нет ли у нее минеральной воды, причем назвал ее почему-то Сонечкой и даже сам этого не заметил.

Они, эти трое, давно уже съехали с разговора о банковских делах на политику и очень сошлись во взглядах. Только раз скользнуло маленькое разногласие – Андрей Андреич слышал от одного француза, что большевики падут в сентябре, а Сергей Николаич знал сам от себя, что они должны были пасть еще в прошлом марте, но по небрежности и безалаберности, конечно, запоздали.

С политики переехали на анекдоты, которые рассказывали друг другу на ухо и долго громко хохотали.

Потом им надоело шептаться, и Андрей Андреич сказал Марье Артемьевне:

– А вы, душечка, пошли бы на кухню и присмотрели бы за кофе, а то выйдет, как с ватрушками. А мы бы здесь пока поговорили. Удивляюсь, как вы сами никогда ни о чем не

догадывается.

И все на эти слова одобрительно загоготали.

Марья Артемьевна, очень обиженная, ушла в спальню и чуть-чуть всплакнула.

Когда она вернулась в столовую, оказалось, что гости уже встали и, отказавшись от кофе, куда-то очень заторопились.

– Мы хотим еще пройти на Монпарнас, куда-нибудь в кафе, подышать воздухом, – холодно объяснил хозяйке Алексей Петрович и глядел куда-то мимо нее.

Весело и громко разговаривая, стали они спускаться с лестницы.

– Вовочка! – почти с отчаянием остановила Марья Артемьевна своего дансера. – Вовочка, еще рано! Оставайтесь!

Но Вовочка криво усмехнулся и пробормотал:

– Простите, Марья Артемьевна, было бы неловко перед вашими мужьями.

И бросился вприскок вниз по лестнице.